Issues in Elitology. 2024. No 1 | ISSN: 2712-8415
Criticism and Reviews | https://doi.org/10.46539/elit.v5i1.191

Drinking Traditions of the Stalinist Military-Political Elite– a Review of the Book by Professor V.A. Nevezhin “The Feast of Joseph Stalin. Book One. Great Kremlin Entertainments of the 1930s - 1940s"

Paul L. Karabushenko

Astrakhan State University named after V.N. Tatischev. Astrakhan, Russia.

E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

This review provides an analysis of the book by the famous Russian historian professors V.A. Nevezhin dedicated to the drinking traditions of the Stalin era. Relying on the richest archival material, the author gave an objective description and assessment of the tradition of protocol and etiquette of holding great Kremlin social functions in the USSR in the 1930s – 1940s. Such techniques then became part of the custom of the Soviet elite and became the most striking manifestation of Soviet propaganda. The work clarifies a number of fundamentally important historical moments, from the number of previously closed (classified) topics. The author demonstrates a very delicate work with documents containing ambiguous historical information that have traces of later editing. Of particular interest is the analysis of the official / unofficial behavior of the Soviet party elite and the country's top leadership on the eve of World War II and the post-war period, given in the work, reveals the role of the "leader of all times and all peoples" in organizing and holding such events.The book reveals the nature of the relationship between the military-political elite of that time in an informal setting, which clarifies our understanding of everyday life, morals and customs of the Stalinist environment.

Keywords

Kremlin social functions; political elite; leader; cultural elite; traditions; protocol; etiquette; toast; political culture.

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Вопросы элитологии. 2024. No 1 | ISSN: 2712-8415
Критика и рецензии | doi: 10.46539/elit.v5i1.191

Застольные традиции сталинской военно-политической элиты – рецензия на книгу профессора В.А. Невежина «Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х годов»

Карабущенко Павел Леонидович

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия.

E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

В настоящей рецензии дается анализ книги известного российского историка доктора исторических наук, профессора В.А. Невежина, посвященной застольным традициям сталинской эпохи. Опираясь на богатейший архивный материал, автор дал объективное описание и оценку традиции протокола и этикета проведения в СССР больших кремлевских приемов 1930 – 1940-х гг. Такие приемы вошли тогда в обычай советской элиты и стали наиболее ярким проявлением советской пропаганды. В работе уточняется целый ряд принципиально важных исторических моментов, из числа ранее закрытых (засекреченных) тем. Автор демонстрирует очень тонкую работу с документами, содержащими неоднозначную историческую информацию, имеющими следы более позднего редактирования. Особый интерес представляет даваемый в работе анализ официального/неофициального поведения советской партийной элиты и высшего руководства страны кануна Великой Отечественной войны и послевоенного времени, раскрывается роль «вождя всех времен и всех народов» в организации и проведении подобного рода мероприятий. Книга раскрывает характер взаимоотношения военно-политической элиты того времени в неформальной обстановке, что уточняет наше общее понимание бытовой повседневности, нравов и обычаев сталинского окружения.

Ключевые слова

Кремлевские приемы; политическая элита; вождь; культурная элита; традиции; протокол; этикет; тост; политическая культура.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Эта книга уже не первая фундаментальная работа её автора на тему политической повседневности сталинской элиты. Профессор Владимир Александрович Невежин специалист по истории политической культуры сталинской эпохи. Его перу принадлежит целая серия работ, где тема культуры застолья показана в ее историко-политологическом ключе (Невежин, 1997, 2005ab, 2011). Данное исследование имеет принципиально важное значение для изучения политической культуры и политических элит сталинской эпохи. Автору удалось нащупать тот эксклюзив, который с максимальной силой высвечивает скрытые стороны власти, особенно в состоянии острой «придворной борьбы» и происходящих в стране и в мире серьезных социально-экономических и геополитических изменений.

В указанной работе автором используются не только архивные материалы, но и поднимается большой массив мемуарной литературы и отдельных дневниковых записей участников этих мероприятий. Длительное время документы, связанные с этой кремлевской традицией, были засекречены и доступ к ним открыт только в последнее время (Невежин, 2019, стр. 332-334). В работе не просто впервые приводятся первоисточники, но и дается им всесторонний текстовой и историографический анализ.

Автор справедливо отмечает важную историческую роль застолья в социокультурном и в политическом развитии общества. Через застольные ритуалы конкретный человек включался в определенный коллектив, в социальную общность. Еще в былинные времена коллективная трапеза была «важнейшим фактором социального сплочения, его своеобразным символом. Она играет важную роль не только в укреплении существующих связей, но и в расширении межчеловеческих контактов, в интеграции индивида в группу» (Невежин, 2019, с. 14). Застолье становилось частью кода политической культуры конкретного исторического времени. Застольные традиции сплачивали конкретные политические группы (в первую очередь элиты), выстраивая внутри них необходимые коммуникационные связи.

В представленной монографии выявляются ролевые функции участников больших кремлевских приемов, использование банкетов в качестве трибуны для важных политических заявлений, а также существовавший рейтинг политического влияния. Как одна из форм общения в советской политической среде, большие кремлевские приемы играли роль консолидирующего начала для партийной и государственной элиты того времени. Автором весьма подробно описываются и анализируются вопросы церемониала проведения официальных приемов, их протокольной части и этикета. Он также останавливается на политическом раскладе сил в сталинской иерархии власти, предоставляет читателю полный объем информации, кто и когда входил в этот избранный круг и кто когда из него выпадал по соответствующим трагическим обстоятельствам. Особый интерес представляет справочный материал. В частности, краткие биографические сведения 750 участников больших кремлевских приемов 1930-х – 1940-х гг. (Невежин, 2019, стр. 453-539). Эти биогра-

фические данные наглядно демонстрируют, кому удалось пережить годы репрессий, а кто стал их жертвой.

Автор монографии признает, что большие кремлевские приемы того времени «являлись одной из форм общения в советской политической среде. Торжественные застолья в Кремле относились к разряду мероприятий государственного масштаба, сыгравших решающую роль не только в деле укрепления личной власти Сталина, но и для активизации процесса консолидации вокруг вождя политической, военной, экономической и интеллектуальной элиты советского общества» (Невежин, 2019, с. 388). Такие приемы выполняли ряд важнейших функций – обмен информацией, интегрирующая, дифференцирующая, культурная преемственность (прежде всего – в области застольных обычаев). Они также выполняли пропагандистскую функцию по сплочению элитных групп в единый политических класс. В условиях, когда страна жила в режиме «осажденной крепости», достижение подобного рода единства было первоочередной задачей для высшего руководства страны.

У кремлевских банкетов было два списка его участников: постоянный (в который входило не более двух десятков наиболее приближенных к вождю лиц) и переменный (в который включались его временные участники). Приходящие видели блестящую витрину своего государства, принимающие – сами находились в этой витрине, ощущая себя частью дорогой декорации. Всем верховодил и всеми руководил главный «кукловод» – «вождь всех времен и всех народов». «Одной из основных составляющих «протокола» больших кремлевских приемов являлся процесс сбора приглашенных и занятие ими своих гостевых мест. Совершенно уверенно можно заявить, что существовала определенная «иерархия места», которую должны были соблюдать гости, представители сталинской элиты, «приобщенные» к публичному застолью… каждый из них получал именное приглашение на прием в Кремль, в котором указывались: дата банкета, время его начала, помещение, где он проходил (например, Георгиевский зал), номер гостевого стола и номер места за ним» (Невежин, 2019, с. 252).

Высшим проявлением иезуитства было пригласить человека на торжественный кремлевский банкет и спустя некоторое время объявить его «врагом народа» и расстрелять по приговору суда (Невежин, 2019, стр. 157-165, 387). Были случаи, когда палачи и их жертвы сидели за одним столом. То, что кто-то постоянно выпадает из этого списка, для постоянных участников кремлевских приемов было делом обыденным. Они делали вид, что «не заметили потерю бойца». В условиях диктатуры подобного рода истории были обыденным делом. И советская диктатура не являлась исключением из этого общего мирового правила.

Книга дает представление о характере и качестве ближайшего окружения И.В. Сталина. Это окружение имело несколько «слоев». Первый (самый близкий), в который входили представители т.н. «питейной компании», состоящий из ближайших «товарищей» вождя и второй (более широкий) круг лиц,

которые участвовали в официальных приемах в Кремле, были представителями партийной и государственной верхушки, но не входили в «доверительный круг» общения вождя (Невежин, 2019, стр. 158-159).Ближайшее окружение вождя вело себя в соответствии с этими иерархическими нормами, строго следуя установленному протоколу.

Тема политической элиты является сквозной для всей книги профессора В.А. Невежина. «В исследовательской литературе сформулировано несколько критериев, – отмечает он, – по которым Сталин осуществлял ротацию политической элиты. Как представляется, они применимы и к сталинской эрзац-элите, т.е. к членам его «ближнего круга». К числу этих критериев относятся: 1) деловые и личные качества конкретного функционера; 2) наличие у него «компрометирующих пятен» в биографии, чтобы легче было держать человека в подчинении; 3) давнее личное знакомство со Сталиным; 4) твердая позиция по отношению к различным «оппозиционерам»; 5) понимание собственного подчиненного положения» (Невежин, 2019, с. 198).

Вождь очень внимательно относился к подбору кадров и личносамым тщательным образом контролировал селекцию своей элиты. В его окружении не было случайных лиц. Там были только те, кто был ему полезен. «Изложенный выше материал показывает, – приходит к выводу В.А. Невежин, – что еще одним критерием принадлежности к сталинской «эрзац-элите», к «ближнему кругу» являлось включение того или иного соратника в «питейную компанию» вождя. Как представляется, эта «питейная компания» по своему количественному составу была несколько уже собственно «ближнего круга».

И если говорить конкретно о больших кремлевских приемах как об одном из видов сталинских застолий, то в него вошли именно те соратники Сталина, которые выдержали «особый отбор» второй половины 1930-х – начала 1940 гг.: А.А. Андреев, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, Н.С. Хрущёв, Н.М. Шверник» (Невежин, 2019, стр. 198-199). Эти лица были вынуждены постоянно проходить проверку на прочность и постоянно доказывать вождю свою преданность. Именно в их среде в первую очередь и формировался культ личности Сталина, который был им самим необходим для их успешной политико-административной карьеры.

Именно в рамках реализации этого «кремлевского проекта» в стране Советов вновь оказался востребованным этикет, отмененный было пролетарской революцией. «Этикет оказался одним из средств, – признает В.А. Невежин, – способных выделить в нем элиту, в роли которой выступала высшая партийная и государственная номенклатура... русская дореволюционная аристократия соблюдала этикет в большей степени, чем какая-либо другая группа людей во всем мире, а после Октябрьской революции ей на смену пришла советская «верхушка»» (Невежин, 2019, с. 246).

Первоначальные знания «придворного этикета» советская пролетарская элита черпала не только из воспоминаний «бывших», но и из практики посещения приемов иностранных посольств. «Именно благодаря дипломатическим

раутам, на которые они периодически приглашались, представители высшего советского руководства, в том числе ближайшие соратники Сталина, могли составить себе представление о том, в чем именно состоят основы застольного этикета» (Невежин, 2019, с. 247).

Особый интерес представляет информация об участии в этих кремлевских приемах представителей советской культурной элиты. «Во второй половине 1930-х гг. приглашения представителей творческой элиты на официальные банкеты по случаю приезда высоких иностранных гостей прочно вошли в протокольную практику проведения визитов на высшем уровне» (Невежин, 2019, с. 249). В работе этой теме посвящены отдельные главы: «И действующие лица, и исполнители» и «Праздничные концерты» (Невежин, 2019, стр. 230-239 и 286-312). Концертные программы больших кремлевских приемов наглядно свидетельствуют о пристрастиях вождя в области эстрадного искусства.

Автор специально подчеркивает, что в праздничных кремлевских концертах участвовали ведущие актеры и музыканты страны. На этих концертах«был представлен весь цвет советского исполнительского искусства. В них участвовало порой одновременно до 400–500 артистов и музыкантов. Здесь выступали певцы И.С. Козловский, М.Д. Михайлов, М.О. Рейзен, Л.О. Утёсов, певицы А.В. Неждановa, В.В. Барсова, В.А. Давыдова, скрипач Д.Ф. Ойстрах, балерина О.В. Лепешинская, актер-кукольник С.В. Образцов, Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски Союза ССР под управлением А.В. Александрова, танцевальный ансамбль народного танца под управлением И.А. Моисеева, и многие другие» (Невежин, 2019, с. 289). Выступать перед советской элитой всегда было делом ответственным и волнительным. Волновались все, даже такие знаменитости, как Качалов, Козловский, Барсова, Орлова, Ильинский, Шпиллер, Лемешев, Лепешинская, Мессерер… По всему выходило, что одна (культурная) элита развлекала другую (политическую) элиту. Выступавшие оставили множество воспоминаний об этих концертах, и всякий раз упоминали о тех чрезмерных средствах безопасности, которыми такие мероприятия сопровождались (Невежин, 2019, стр. 290-291).

Реакция самой кремлевской публики на концерт была обусловлена гастрономическими соображениями – люди пришли хорошо поесть, а не слушать концерт. Единственно внимательными зрителями были те, кто на этом кремлевском банкете не ел – вождь и члены его правительства (Невежин, 2019, стр. 308-309). Таким образом, качество таких выступлений было не пропорционально реакции «зрительного зала», занятого в этот момент «потреблением яств, выпивкой, застольными разговорами» (Невежин, 2019, с. 312).

Часто бывало, что после окончания официального приема вождь до утра «продолжал вести оживленную застольную беседу в бывших императорских покоях, примыкавших к залам Большого Кремлевского дворца, с представителями советской интеллектуальной элиты: писателями, кинематографистами, певцами, музыкантами» (Невежин, 2019, с. 329). Ночь в московском Кремле,

проведенная в дружеской беседе с вождем, должна была произвести на ее участниках неизгладимое впечатление. Вместе с тем, В.А. Невежин констатирует, что «возможность общения со Сталиным теоретически была предоставлена всем гостям, однако на практике это общение осуществлялось преимущественно по инициативе самого вождя либо его ближайших соратников» (Невежин, 2019, с. 387).

Чествование военной элиты всегда стояло на первом месте, что прямо указывает на милитаристский характер Советского государства того времени. И это было заслуженное признание той роли и тех жертв, которые понесли профессиональные военные в годы Великой Отечественной войны. Но случались и вполне курьезные случаи, которые тоже нашли свое отражение в этих «кремлевских банкетных летописях». Автор отмечает, что во время этих банкетов порой происходили разного рода казусы, – то поймают пьяного политрука с ворованным столовым серебром, то у кого-то в карманах штанов предательски растает ворованный шоколад… (Невежин, 2019, стр. 250-251). Пролетарское происхождение со многими играло злую шутку. Поэтому знание этикета и вообще приличное поведение за столом было обязательным по умолчанию. Именно в эти годы стали уделять больше внимание культурному просвещению офицерского корпуса, которые должны были стать образцом для всей рабоче-крестьянской красной армии и военно-морского флота...

На кремлевских приемах большое значение играла роль ведущего (тамады). По некоторым сведениям эту роль часто выполнял маршал К.Е. Ворошилов (Невежин, 2019, стр. 241, 260-264, 272, 286). «Как тамада В.М. Молотов в определенной степени качественно уступал К.Е. Ворошилову. Во многом оба различались по складу характера». Если всегда жизнерадостный К.Е. Ворошилов не стал «сановником», не боялся «уронить достоинство», вносил живое веселье в любой коллектив, то В.М. Молотов «по характеру сухой, редко улыбающийся и угрюмый человек, он даже при просмотре какой-нибудь кинокомедии в присутствии Сталина и гостей был официален и не допускал никаких “вольностей”» (Невежин, 2019, с. 264).

Поэтому и тосты его, как правило, не отличались остроумием, были официальными, формальными (казенными) и однообразно-скучными (Невежин, 2019, стр. 265, 360, 362-365, 381). В отсутствие этих двоих обязанности тамады брал на себя Л.М. Каганович. «Два раза в роли тамады на больших кремлевских приемах выступил народный Комиссар обороны СССР С.К. Тимошенко, по одному разу: Г.К. Орджоникидзе, А.А. Жданов, С.М. Будённый, С.В. Кафтанов (председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР), Н.М. Шверник. Порой вести стол приходилось кому-либо из «виновников торжества». Так, на приеме «папанинцев» вначале тосты провозглашал Молотов. Затем он предложил быть тамадой О.Ю. Шмидту» (Невежин, 2019, с. 266).

Кремлевские протоколы становятся своеобразным социологическим замером, позволяющим расставить акценты в политической власти того

времени. Так, например, отсутствие в окончательном протоколе упоминания здравицы в честь А.А. Жданова и Н.С. Хрущева 24 мая 1945 г., дало основание считать, что они были вычеркнуты специально Сталиным, припомнившим их «срывы» (Невежин, 2019, с. 365).

На кремлевских банкетах элите подавали все самое лучшее, что было в стране Советов. «В меню кремлевских банкетов включались: зернистая и кетовая икра, сёмга, севрюга, различные мясные деликатесы, салаты, свежие овощи, зелень, фрукты. Предлагались элитные сорта алкогольных напитков: армянский коньяк, водка, красные и белые вина, крымское шампанское… [гостям]удалось отведать такой еды, «что ранее никогда не видел». При этом официанты начинали разносить угощение лишь после того, как все гости занимали свои места» (Невежин, 2019, с. 245). В.А. Невежин усматривает в этом удачный пиар ход. «Скорее всего, – пишет он, – в понимании Сталина и его соратников обильный стол являлся признаком силы и величия государства, которое они представляли. Естественно, участники больших кремлевских приемов воспринимали с невольным восхищением подобное изобилие изысканных яств и алкогольных напитков» (Там же). Главная витрина Советского Союза должна была продемонстрировать иностранным послам, что в стране все в порядке, и она движется в правильную сторону развития.

Во время своих выступлений на таких приемах, Сталин позволял себе иногда читать собравшимся лекции о состоянии Советского государства и международной политической обстановке (Невежин, 2019, стр. 282-283). Насколько такие речи были продуманными, а насколько в них была импровизация, судить сложно. Вождь рассчитывал на особую подготовку аудитории, что на банкете присутствуют те, кто поймет его слова как руководство к действию и распространят эту информацию по своим сетевым коммуникациям. Автор монографического исследования признает, что произносимые Сталиным тосты и застольные речи, «в условиях его практически неограниченного господства в стране и в партии неизменно носили директивный характер» (Невежин, 2019, с. 388).

Было замечено, что вождь весьма часто использовал в своих застольных речах одни и те же темы, постепенно их развивая. Анализ сталинских банкетных выступлений проливает свет на то, как со временем менялись его тактические и стратегические военно-политические предпочтения, как им оценивались текущие политические процессы и как расставлялись акценты во внутриполитических процессах (Невежин, 2019, с. 335). При этом не всегда записи этих сталинских выступлений были достоверными. Некоторые авторы непреднамеренно или злонамеренно искажали слова вождя, придавая им иной смысл. В.А. Невежин объясняет эти разночтения «трудностью перевода», при котором утрачивались некоторые смысловые нюансы и возникали новые значения (Невежин, 2019, с. 336).

И все же, как искушенный политик, Сталин вряд ли вообще мог публично (даже среди представителей своей элиты) заявлять о своих истинных намере-

ниях. Это, скорее всего, была тоже своеобразная игра, заключающаяся в том, чтобы настроить свою элиту в правильном для вождя направлении (Невежин, 2019, с. 338). То, что Сталин очень серьезно относился к этим своим выступлениям, подтверждается таким фактом, что он сам их все редактировал. Это требовало от него сохранять ясность ума во время всего застолья и оставаться трезвым. Такая редактура требовала сосредоточения внимания, особую умственную работу, просчитывать ситуацию на много ходов вперед (Невежин, 2019, стр. 367-368, 370). Любая ошибка или неточность могли дезавуировать скрытый смысл его подтекста. И вождь, судя по всему, это прекрасно понимал и редактировал свои тексты с педантичной точностью.

Подобные речи вождя позволяют нам составить представления о его мотивах поведения и переживаниях. Сталина, например, беспокоило то, что многих вождей при жизни хвалят, а после их ухода быстро забывают. Он уточнял, что подобного рода забывчивость характерна для буржуазных обществ, но только не для первого в мире пролетарского государства, где свято помнят и чтят великого Ленина (Невежин, 2019, с. 317).

В его выступлениях часто вкрадывались противоречия, которые старались не замечать. Так, например, в т.н. «таджикской речи» 22 апреля 1941 г., произнесенной по случаю дней культуры Таджикской ССР в Москве, Сталин, восхваляя Ленина и СССР, заявил: «Он создал новую идеологию человечества, идеологию дружбы и любви между народами, равенства между расами. Идеология, которая ставит одну расу выше других и требует, чтобы другие расы этой расе были подчинены, это мертвая идеология, она не может долго продержаться… Ленин создал новую идеологию, он создал партию, которая следует этой новой идеологии, смысл которой заключается в том, что все народы равны… Я хотел бы поднять тост, – говорит товарищ Сталин, – за здоровье и процветание таджикского народа. Таджики – это настоящий народ – носитель короны, как называли ихиранцы и они, таджики, это оправдали. Это особый народ, это не узбеки, не киргизы, не казахи, это самый древний народ из всех народов Средней Азии… Это люди старинной культуры» (Невежин, 2019, стр. 317, 319). Заметив вкравшееся противоречие, редакторы постарались его несколько сгладить, изъявнесколько нарочито сказанных фраз, в которых«проглядывалось прямое противопоставление таджиков другим народам Средней Азии и Казахстана, причем явно не в пользу последних» (Невежин, 2019, с. 328).

В.А. Невежин отмечает, что когда Сталин был в хорошем расположении духа, он весьма активно участвовал в проведении застольных торжеств – неоднократно брал слово для вступления и тостов, импровизировал, охотно общался с гостями, шутил сам и позволял шутить другим (Невежин, 2019, стр. 332, 339, 359).

Один из знаменитых тостов Сталина прозвучал 24 мая 1945 г. В историографии он получил название «За русский народ»: «Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продол-

жительные аплодисменты, крики «ура»). Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение» (Невежин, 2019, стр. 345-346). Вместе с тем, вождь откровенно признал, что у него и его Правительства было немало ошибок, которые они допустили в ходе Великой Отечественной войны. «Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие» (Невежин, 2019, с. 346). В.А. Невежин весьма подробно останавливается на том, как российская историческая наука понимает эту застольную речь, какие смыслы она в ней видит. Именно русский патриотизм стал в годы тяжелой войны основой духовного сопротивления врагу. Это сопровождалось возвращением русской истории в структуру русского национального самосознания. И руководство СССР в лице Сталина попыталось опереться на авторитет русского народа, выступать от его имени (Невежин, 2019, стр. 349-350).

Автор проводит скрупулезный анализ этого текста, уточняя отдельные его детали. Необычным здесь, по его мнению, является то, что вождь, предложив тост за русский народ, обошел стороной роль коммунистической партии, что для того времени было неслыханным делом. Более того, он признал на официальном уровне собственные ошибки (Невежин, 2019, стр. 355-360, 367). Можно ли считать эту сталинскую речь – «За русского народа!»– в качестве его покаяния? Ведь все это было все сказано в «звездный час» сталинской власти – в победном мае 1945 г., когда вождь чувствовал себя триумфатором. В.А. Невежин считает, что эти «откровения» вождя были все на словах, что Сталин вновь «играл на публику»: «А на деле у Сталина, в конечном счете, возобладали качества прагматического политика, который не желал уступать приоритет в достижении Победы «правительству». По здравом размышлении, он решил все-таки не афишировать признание собственной ответственности за ошибки и неудачи начального периода войны» (Невежин, 2019, с. 368). Сталин всегда и везде оставался политиком. Поэтому у него нет ничего лишнего или случайного. По своему характеру он привык все досконально продумывать. Поэтому у историков не должно быть никаких сомнений в том, что и в этом важном моменте Великой Отечественной войны (подведении ее итогов) вождь стал бы импровизировать. «Вождь, признав в застольной речи 24 мая 1945 г.

ошибки возглавляемого им правительства, допущенные в начальный период Великой Отечественной войны, не пожелал, в конечном счете, публично «виниться» перед русским народом» (Невежин, 2019, с. 369). Несмотря на это, тост Сталина следует признать сильным политическим ходом, апофеозом его военно-политического триумфа.

В заключение еще раз подчеркнем, что рецензируемая монография открывает нам путь в мир кремлевского закулисья, туда, где вершились великие дела и принимались важнейшие политические решения. Длительное время эта стороны советской элиты была закрыта для большинства населения СССР. Но время пришло нам в деталях и на документированной основе познакомиться с этими политическими культурными традициями и составить о них объективное мнение. Работа профессора В.А. Невежина как раз и позволяет нам совершить увлекательное погружение в мир политической повседневности сталинской эпохи, уточнить многие позиции, ранее закрытые для широкого круга читателей…

Список литературы

Невежин, В.А. (2019). *Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х годов*. АИРО–XXI.

Невежин, В.А. (1997). *Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боёв», 1939 – 1941*. АИРО–XX.

Невежин, В.А. (2005a). Большие кремлевские приемы Сталина (1930-е – начало 1940-х гг.). *Отечественная история*, (3), 56–70.

Невежин, В.А. (2005b). Большие кремлевские приемы Сталина (1930-е – начало 1940-х гг.). *Отечественная история*, (4), 123–139.

Невежин, В.А. (2011). *Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х гг.* Новый Хронограф.

References

Nevezhin, V.A. (2019). *Feast of Joseph Stalin. Book one. Great Kremlin receptions of the 1930s – 1940s*. AIRO-XXI. (in Russian).

Nevezhin, V.A. (1997). *Offensive War Syndrome. Soviet propaganda on the eve of "sacred battles", 1939 - 1941*. AIRO-XX. (in Russian).

Nevezhin, V.A. (2005a). Stalin's great Kremlin techniques (1930s – early 1940s). *Patriotic History*, (3), 56–70. (in Russian).

Nevezhin, V.A. (2005b). Stalin's great Kremlin techniques (1930s – early 1940s). *Patriotic History*, (4), 123–139. (in Russian).

Nevezhin, V.A. (2011). *Feast of Joseph Stalin. Book one. Great Kremlin receptions of the 1930s – 1940s*. New Chronograph. (in Russian).